

Национальный банк — общественный кредит для развития человечества и освоения Вселенной

Роберт Баруик

5 июня 2012 года

Человечество стоит на пороге космических путешествий и освоения термоядерной энергии, и мы можем управлять эволюцией биосферы к более высокому уровню организации. Впервые в геологической истории творчество Вселенной, движущее развитием биосферы, получило сознательного агента — человечество, чьи творческие силы открывают новую геологическую эру. Владимир Вернадский назвал ее Ноосферой.

Люди используют науку и технику для переработки природных ресурсов так, что возрастает власть человека над природой. Мы можем преобразовывать пустыни, укрощать реки и расщеплять атом. Следующая цель человечества — космические экспедиции и [колонизация Луны и Марса](#). Однако общий экономический кризис, в который погрузилось человечество, тянет нас назад и угрожает жизни миллиардов людей. Чтобы остановить распад и реорганизовать экономику на благо человечества народы мира должны отказаться от заблуждений «свободного рынка» и перейти к системе *общественного кредита*, воплощенной в национальной банковской системе — двигателе развития человечества на протяжении последних двух столетий, несмотря на огромную власть олигархии, центр которой располагался в Лондоне, и ее придаток на Уолл-стрите.

Кредит для вечного существования человечества

Отвечая на просьбу пояснить, почему не валютная система, а «процесс создания материального богатства является основой восстановления нашего кредита», Линдон Ларуш в своем выступлении в интернете 30 сентября 2011 года рассказал об уникальной роли кредитной системы:

«Мы говорим о вложениях капитала на период больше жизни одного поколения. Для всех мегапроектов, которые нам сегодня нужны, как и в прошлом, требуются капиталовложения с перспективой на несколько поколений. Нужно будет создать долг на поколения вперед. ...

В арсенале у человечества есть то, чего нет у животных — творческий разум, способность по собственной воле усложнять уровень организации. ... Должна быть цель в жизни, преодолевающая смерть. И на это способны только творческие силы разума человека. Упирается все в нечто неизвестное никаким животным: кредит. Кредит, потому что все, во что мы вкладываем и создаем, переживает человека. Это вложения жизни в переход к новой жизни, которая продолжает старую, хотя люди, приходившие на смену друг другу, умирают.

Идея кредита не является физической или финансовой концепцией. Идея кредита в первую очередь человеческая. И никому кроме человека идея кредита неизвестна.

И если валютная или финансовая система строится на кредитной основе, то это означает развитие человеческого индивида, передающего нечто полезное следующему поколению. В этом заключается идея прогресса. И кирпичиком развития является «кредит».

Колония Массачусетс Бэй была построена на системе кредита. В основу нашей конституции была положена кредитная система. Кредитная система не денежная, ее смысл не в том, чтобы взыскивать деньги. Кредит — продолжение жизнедеятельности, передача дел и намерений людей тем, кто будут жить после них.

Кредит это история. Кредит это история человечества. ... Кредитная система есть развитие человечества, потенциала человечества, его достижений от поколения к поколению. Кредит соединяет живых и тех, кто будет жить после них, и тех, кто будет жить после. В этом истинный смысл кредита — во взносе в будущее. Мы ценим и защищаем то, что досталось нам из прошлого, и передаем его будущему.

Смысл экономической системы, истинной системы физической экономики в кредитной системе. Смысл кредита не в деньгах, не в банкнотах, смысл кредита в человеческом творчестве из поколения в поколение.

Люди умирают, но человечество должно стать бессмертным. И когда мы осознаем это, мы на правильном пути».

Национальная банковская система для общего блага

Национальная банковская система — инструмент, позволяющий государству направлять общественный кредит на развитие физической экономики страны. Государство обязано повышать уровень жизни граждан через создание новых инфраструктурных мощностей в энергетике, водоснабжении, транспорте, развитием здравоохранения и образования. В совокупности они служат платформой для развития высокотехнологичного производства и сельского хозяйства, позволяющих народному хозяйству удовлетворять потребности людей.

После того как в 15-ом веке Франция вышла из темных веков феодализма первым в современной истории суверенным национальным государством, монархи, начиная с французского короля Людовика XI (1423-1483) использовали свое богатство и власть для организации своих королевств на благо всего народа — для «всеобщего блага», как говорил король Людовик XI. С этой же целью американские колонии начали революционную войну 1776-1781 гг. против Британской империи. Это цель записана в преамбуле Конституции США, где говорится о всеобщем благосостоянии. Австралийская лейбористская партия была создана в 1890 году в соответствии с американским прецедентом, даже в названии партии используется американская орфография, подчеркивая приверженность «всеобщему благу» по выражению ее основателей.

Однако государства, приверженные делу всеобщего блага угрожали империям, мировому порядку, возникшему во времена Вавилона и даже ранее, когда крохотная правящая олигархия контролирует частные денежные системы для собственной выгоды и управления народными массами. Со второго тысячелетия нашей эры центрами таких империй были Венеция, Амстердам и позднее Лондон. Через центральные банки, находящиеся под частным контролем, и биржи они получили огромную власть, через мировые структуры, такие как Голландская и Британская Ост-Индские компании они контролировали мировую торговлю (подобно Венеции, обе эти компании были регуляторами мировой торговли и мировых рынков золота и серебра).

Американские отцы-основатели разрушили древнюю олигархическую систему и создали первую в мире республиканскую систему управления, провозгласив «всеобщее благосостояние» всех граждан смыслом существования государства. Для укрепления нового государства и его деятельности во имя всеобщего благосостояния американцы учредили систему общественного кредита и национальную банковскую систему, краеугольные камни республиканской системы управления.

Александр Гамильтон

Американский опыт показывает, что национальная банковская система и общественный кредит неотделимы от национального суверенитета. Имперская власть Британии основывалась на созданной ей империи денег

вокруг частного Банка Англии и Британской Ост-Индской компании. Колония Массачусетс Бэй бросила вызов самым основаниям этой системы уже в 1652 году (до учреждения собственно этих институтов), создав свой монетный двор для выпуска собственной валюты — соснового шиллинга (Pine Tree shilling). Он был серебряным, но не был связан со стоимостью золотых или серебряных слитков (обращение и цены на которые тогда контролировал Амстердам, детище Венеции), его стоимость определялась способностью и намерениями развивать физическую экономику колонии. В качестве примера можно привести строительство железодельного завода в Согусе, в те времена самого современного промышленного предприятия. Британская империя не только запретила суверенный контроль над финансами колонии, но и отозвала хартию самоуправления компании Массачусетс Бэй в 1684 году и направила туда своего военного управляющего.

Американские патриоты под руководством Бенджамина Франклина продолжали поддерживать идею создания суверенной денежной системы. Франклин был политическим лидером и научным гением, завоевавшим признание по всему миру, как открыватель пути к обузданию электричества. В 1729 году он написал «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег». Франклин убеждал отцов-основателей, что только суверенная кредитная система может обеспечить политическую независимость, которая стала целью революции 1776 года. Юный соратник генерала Джорджа Вашингтона Александр Гамильтон, ставший позднее первым министром финансов США, [разработал систему общественного кредита](#) сначала для финансирования войны, а затем закрепления победы американцев. Гамильтон писал своему единомышленнику, финансисту Роберту Моррису, что требуется для победы в войне и сохранения мира:

«Нужен план, который объединит все средства и сольет их с общественными, и на основе этого слияния и союза создаст массу кредита и пополнит недостающий денежный капитал и обеспечит наличные; ... и, по мере развития, исключительно благотворно скажется на будущей деятельности и станет источником национальной мощи и богатства. Я имею в виду учреждение национального банка.

Национальный банк будет наращивать общественный и частный кредит. ... Растет промышленность, становится больше товаров, процветают сельское хозяйство и производство товаров, в этом и есть истинное богатство и процветание страны.

Только национальный банк дает инструменты для создания полноценного, твердого и полезного бумажного кредита». (Из «Писем Роберту Моррису, 1779-1781»).

План Гамильтона вылился в создание Банка Северной Америки, без которого была бы невозможна победа революции. Но после установления формального мира между Американской республикой и Британией (Парижского мира) в 1783 году, англичане продолжали агрессию другими средствами: они начали торговую и валютную войну против бывших колоний, обанкротившихся в результате войны. Их независимость оставалась в опасности. В 1789 году, после ратификации конституции США, президент Вашингтон назначил Гамильтона министром финансов для создания фундамента новой страны — системы общественного кредита.

Первым шагом Гамильтона было укрепление доверия к кредиту правительства США. Он дал твердые гарантии, что Америка признает все долги, которые были взяты для победы в войне, вместо того, чтобы их просто списать, как призывали многие, утверждая, что они слишком велики и выплатить их будет невозможно. Гамильтон настаивал, что эти долги есть «цена свободы», и новое государство их должно уважать.

Он прибегал к новым займам для выплат по старым долгам, но средства новых займов распределял так, чтобы в конечном счете появилась возможность их погасить — рост экономики США, инфраструктуры и промышленности должны были дать доход, который позволит выплатить долг. Сертификаты долга США с таким обеспечением стали бумажными деньгами, которые можно было обменять на товары и услуги. Они имели хождение наравне с золотой и серебряной монетой. Запасы золота и серебра были ограниченными и были уязвимы для финансовых махинаций англичан, контролировавших стоимость золота и серебра и доступ к ним, как это делали до них голландцы и венецианцы.

В трех знаменательных докладах Конгрессу США — Докладе об общественном кредите в январе 1790 года, Докладе о национальном банке в декабре 1790 года и Докладе о мануфактурах (Докладе о промышленности) в декабре 1791 года Гамильтон изложил свою цель: сделать развитие экономики США основой государственного суверенитета.

В 1791 году Конгресс США принял законопроект Гамильтона о создании национального банка, Первого банка Соединенных Штатов. В практической деятельности банк руководствовался идеей, изложенной в Докладе о мануфактурах: «создание долга должно обеспечивать средства его погашения», то есть, общественный кредит должен направляться на развитие реальной экономики нового государства. Менее чем через год после создания банка Гамильтон докладывал в декабре 1791 года о благотворном влиянии нового учреждения. «Представляется, что промышленность в целом оживилась, и во многих регионах союза появился капитал, о котором до последнего времени, по крайней мере, со времен революции, не было известно».

Использование национального долга для развития инфраструктуры, сельского хозяйства и промышленности превратило, по мнению Гамильтона, огромный долг в «общественное благо», так как сертификаты этого долга были надежным источником расширенной денежной массы. Они были «надежны как золото», и еще больше способствовали росту реальной экономики страны.

Британская империя наносит ответный удар:

Аарон Бэрр и Уолл-стрит

Униженные поражением и охваченные паникой перед возможностью, что американские республиканские принципы и идеи общественного кредита приведут к таким же революциям на европейском континенте и во всем мире, англичане поставили цель подорвать американскую независимость изнутри и извне. Одним из их главных агентов был Аарон Бэрр, создавший частный Манхэттенский банк в 1799 году на Уолл-стрите, уже тогда средоточии частных финансистов, торговцев рабами и опиумом, поддерживавших тесные связи с англичанами. Бэрр и занялся подрывом национальной банковской политики¹.

В 1804 году отличный стрелок Бэрр убил Гамильтона на дуэли, которую сам и спровоцировал. А через некоторое время написал английскому послу в Вашингтоне письмо, предлагая свои услуги в расколе Соединенных Штатов подстрекательством бунтов в разных регионах страны. За это в 1807 году он был обвинен в государственной измене и бежал в Англию, где жил у Иеремии Бентама, приспешника лорда Шелбурна и идеолога Британской Ост-Индской компании. В отсутствие национального банка англичане опять начали

---

¹ Anton Chaitkin, *Treason in America: From Aaron Burr to Averell Harriman*, (Нью-Йорк: New Benjamin Franklin House, 1985 г.); Robert Ingraham, [“A Foreign Agent Within Our Midst. LaRouche Explains: Why We Don’t Need Wall Street”](#), *Executive Intelligence Review*, 28 октября 2011 г., стр. 9-18. В этих источниках документировано изменничество Бэрра и его компаньонов с Уолл-стрита и их последователей на протяжении веков. Слияние в 2000 году созданного англичанами J.P. Morgan & Co. с Chase Manhattan (прямым наследником Bank of Manhattan Бэрра) и возникновение в результате «слишком большого чтобы ему дали обанкротиться» банка J.P. Morgan Chase, продолжает эту старую изменническую традицию.

тотальную торговую и финансовую войну против американской республики, о чем единомышленник Бентама Генри Брюэм хвастал в знаменитой речи в Палате общин 9 апреля 1816 года. Речь шла о демпинге всевозможных английских товаров в США, даже в убыток себе, чтобы разорить американских производителей: «Все, что можно было грузить, отправлялось туда, любой доступный капитал был отоварен и отгружен. ... Стоило пойти на потери начиная экспорт, чтобы задушить в зародыше нарождающихся производителей в США, появившихся в результате войны 1812 года вопреки обычному ходу вещей». «Обычный ход вещей» для англичан означал, что Америка должна остаться слабым сырьевым придатком империи — как это имеет место с Австралией сегодня.

Бэрр вернулся в США в чужом обличье (буквально) во время войны, чтобы продолжать подрывную финансовую и политическую деятельность против молодой республики. В стране не было национального банка, и через пять лет финансового хаоса, вызванного экономической войной, которую вели англичане, правительство США учредило в 1816 году Второй банк Соединенных Штатов практически на тех же принципах, что и первый. Финансовая система стабилизировалась, появились средства на уникальную программу строительства сталелитейных заводов, железных дорог и каналов, получившую название «внутренних усовершенствований».

Национальная банковская система в сочетании с другой инициативой Гамильтона — высоких протекционистских тарифов для содействия производству, получила название [«Американской системы»](#), в противоположность «британской системе» свободной торговли и «центральных банков» под частным контролем.

В 1832 году будущий президент Авраам Линкольн построил свою избирательную кампанию в законодательное собрание Иллинойса на поддержке Американской системы. «Я смиренный Авраам Линкольн. Я выступаю за национальный банк, систему внутренних усовершенствований и высокие протекционистские тарифы», — заявил он. Он был избран президентом в 1860 году, накануне отделения конфедератов, поддерживаемых англичанами, и последовавшей гражданской войны. Линкольн возродил политику общественного кредита и выпустил знаменитые «гринбэки» для финансирования войны после того, как финансисты Уолл-стрита отказались предоставить займы правительству для подавления восстания конфедератов. В разгар кризиса в стране Линкольн выступил со знаменитым Геттисбергским обращением, в котором заявил о решимости сохранить американскую систему, чтобы «правительство народа, из народа и для народа не исчезло на земле».

Произошло того, чего англичане боялись — американская система породила стремление к независимости во всем мире, включая британские колониальные доминионы. В Австралии почтенный Джон Данмор Ланг горячо продвигал идею республики в американской традиции в книге 1852 года, *Freedom and Independence for the Golden Lands of Australia* («Свобода и независимость для золотой земли Австралии»). Чтобы опередить такую возможность, англичане придумали реформу, которую называли «ответственное правительство», парламентский фасад, за которым нерушимым оставался олигархический контроль над финансовой системой. Типичная британская система, о которой писал британский министр финансов и будущий премьер-министр Уильям Гладстон в 1852 году: «Ключ к ситуации в следующем: правительство не является влиятельной силой в вопросах финансов, Денежная Власть является верховной и неоспоримой».

Государственное банковское дело в Австралии: Банк Австралийского Союза

Многие другие страны использовали американский опыт и применяли различные формы общественного кредита для управления экономическим развитием. Австралия создала даже национальный банк по лекалам Гамильтона — Банк Австралийского Союза (Commonwealth Bank of Australia). На двух отчетливо выделяемых этапах его существования, с момента образования в 1911 году до 1923 и в период 1942-1949 гг. Банк Австралийского Союза демонстрировал мощь национальной банковской системы, направляя общественный кредит на развитие инфраструктуры и ключевых отраслей промышленности, включая строительство трансконтинентальной железной дороги, финансировал участие Австралии в Первой мировой войне, а потом экономическое чудо во время Второй мировой войны. Общественный кредит превратил Австралию из аграрных задворков в агропромышленную державу, достаточно вспомнить крупнейший послевоенный проект эксплуатации водных ресурсов Снежных гор. Повторяя историю Первого и Второго банков США, подъемы и провалы Банка Австралийского Союза отражают историю борьбы Австралии за национальный суверенитет.

Патриоты колониальной Австралии, боровшиеся за государственность и вдохновленные примером США, понимали, что национальный банк — ключевой элемент. Профсоюзное движение в Австралии родилось из кровавых забастовок моряков и стригалей в 1890 году, против лондонских банков, фирм, наживавшихся на животноводстве и торговых компаний, контролировавших экономику колонии. Их железная хватка привела к ужасающему краху в 1893 году. Уже в 1891 году Трудовая избирательная лига Нового Южного Уэльса, ставшая одним из звеньев Австралийской лейбористской партии, заявила о своей приверженности национальной банковской системе и выступила с требованием «создания федерации австрало-азиатских колоний на национальной, а не империалистической основе».

Американский эмигрант Кинг О'Мэлли очень много сделал для того, что Лейбористская партия осознала принципы действия и значение национальной банковской системы. В 1908 году на федеральной конференции лейбористской партии в Брисбене О'Мэлли убедил делегатов включить детальные предложения о национальном банке в программу партии. В пятичасовой речи в федеральном парламенте в следующем году О'Мэлли подчеркивал важность национального банка для независимости Австралии:

«Мы разрабатываем законы для многих будущих поколений, которые будут нам благодарны или проклянут. ... Мы выступаем не только за производителя, но и человека, который у него работает. ... Предлагаю учредить государственный национальный банк для управления финансами Союза и штатов. ... Разве уважаемые члены парламента не понимают, как важна для нас национальная банковская система ... которая избавит нас от нужды кланяться акционерам частных банковских корпораций? Движение денежной массы — важнейшая проблема денежного обращения, ключ к финансовой ситуации. Контроль за этим движением позволяет поднимать и опускать цены, или удерживать их на постоянном уровне. ... Такая возможность — атрибут суверенитета ... и должна принадлежать только суверенному народу и использовать ее ... должны парламент и правительство в интересах всего народа».

О'Мэлли указал прецедент предлагаемого нового национального банка. «Я австралийский Гамильтон, — заявил он. — Это был величайший финансист живший на земле, и никто не предложил ничего лучшего. ... Американский опыт должен дать нам решимость создать национальную банковскую систему, которую будет невозможно подорвать».

Лейбористы против Денежной власти

Чтобы заставить руководство Австралийской лейбористской партии проводить национальную банковскую политику в условиях сопротивления банков с мельбурнской Коллинс-стрит, контролировавшихся англичанами О'Мэлли создал из депутатов парламента «ударную группу». В декабре 1911 года О'Мэлли и его союзники провели закон о Банке Союза, и О'Мэлли же провел Денисона Миллера в президенты банка с наставлением: «У тебя есть шанс творить историю, брат Миллер, австралийскую историю, которая станет (частью) мировой. Seriously подумай об этом. И соглашайся на эту работу. Делай историю, я уверен, что у тебя это получится». В книге *The Great Bust* («Великий крах»), вышедшей в 1962 году, бывший министр финансов Нового Южного Уэльса и позднее премьер-министр Нового Южного Уэльса Джек Ланг описал ужас, охвативший британскую олигархию от деятельности Миллера и Банка Союза, вплоть до безвременной смерти Миллера в 1923 году:

«В Австралии войну финансировал тогда новый Банк Австралийского Союза. Он изыскал деньги на содержание армии за границей и финансирование производителей дома. ... После окончания войны Денисон Миллер был в Англии и навел ужас на банкиров спокойным заявлением во время обеда, что богатство Австралии в шесть раз больше сделанных долгов, и что банк способен ответить по любым требованиям, так как за ним стоит капитал всей страны. На военные нужды банк изыскал 350 миллионов фунтов стерлингов. По возвращении из Лондона в головном отделении банка на Мартин Плейс в Сиднее его ждала делегация безработных. Они задали вопрос, сможет ли он найти еще 350 миллионов на производственные нужды. Миллер ответил, что банк не только способен на это, но будет рад это сделать. Такие заявления вызвали панику в Лондоне. Если доминионы освободятся от финансовой зависимости от лондонского Сити, рухнет вся финансовая конструкция».

Ланг далее пишет о том, как Сити пытался остановить Банк Союза, создав наднациональную банковскую структуру, которая будет контролировать финансы всех стран, речь идет по сути о мировом правительстве. Подчинение банковской системы Европы Европейскому механизму стабильности (ESM), чего требуют лондонские и другие банкиры в наше время, точная копия процесса, описанного Лангом:

«Речь шла о банках. Хотели придумать модель, которая позволила бы заманить местные структуры, такие как Банк Австралийского Союза в силки Сити. Финансовые специалисты глубоко изучили проблему. И из их размышлений вырос план централизовать контроль над всеми банками империи в руках Банка Англии. Банк Англии должен был стать супербанком банкиров. ... В Банке Англии идею имперского контроля приняли с энтузиазмом.

Замахивались даже на Мировой банк под управлением Лиги Наций, который бы распоряжался всеми мировыми кредитами. Величие идеи было в том, что один совет директоров принимал бы решения, определяющие экономическую политику всего мира. Банкиры стали бы верховными правителями. Естественно, на самом вершине был бы управляющий Банком Англии. Если, например, Банк Англии получил бы контроль над Банком Австралийского Союза, исчезли бы препятствия для управления правительством страны. ... Смерть Миллера в критический момент убрала человека, который мог защитить цитадель австралийской финансовой независимости».

Несмотря на выдающиеся достижения Банка Австралийского Союза всего за 12 лет существования, до того, как частные финансисты захватили контроль после смерти Миллера, их было недостаточно для того, освободиться от английских финансовых пут. Фрэнк Энсти, один из членов ударной группы О'Мэлли, и наставник будущего премьер-министра Джона Кёртина, писал в

своей книге *The Money Power* («Денежная власть», 1921 г.), что речь шла о национальном суверенитете:

«Австралия всего лишь финансовый придаток Лондона, без различного экономического лица. ... Лондон сегодня — центр паутины международных финансов. В Лондоне находятся настоящие хозяева или представители главных финансовых семейств мира. Власть денег это больше, нежели просто капитализм. ... Эти люди образуют Финансовую Олигархию. Там, где эта олигархия властвует, народ не может быть свободен, демократия там — пустой звук, если она их не сбросит с трона».

После смерти Миллера в 1923 году лондонские банки надоумили австралийское правительство передать управление банком совету частных бизнесменов, которые быстро перекрыли кран общественного кредита. Во время Великой депрессии частный совет директоров банка отказался выполнять указание правительства о выделении кредита на общественные работы, чтобы смягчить тридцатипроцентную безработицу в стране, как это успешно сделал президент США Франклин Рузвельт.

Выступая в 1937 году, лидер Австралийской лейбористской партии в штате Западная Австралия Джон Кёртин повторил предупреждение Энсти, что суверенитет Австралии невозможен без контроля правительства над финансами страны. Кёртин потребовал восстановления первоначального устава Банка австралийского Союза и освобождения банка от патронажа частных финансистов, банк должен перейти под государственный контроль: «Если правительство Союза сознательно исключает себя из участия в формировании или изменении финансовой политики, его правление имеет второстепенное значение». В 1939 году, накануне войны, уже пожилой Кинг О'Мэлли еще раз попробовал восстановить Банк австралийского Союза в первоначальном виде и освободить его от контроля и спекулятивных злоупотреблений частных финансистов. В брошюре *Big Battle* («Большая схватка») О'Мэлли писал, что индивидуальные права, которые граждане считают своими, невозможно гарантировать без суверенного контроля над кредитом, и что цель национального банка состоит в облегчении путей создания реального физического богатства в противовес неизбежно губительному «воздушному богатству» частных спекулянтов:

«Осязаемое богатство создается медленным промышленным процессом в сочетании с мастерством и управлением капиталом. Воздушное богатство создается быстро — лист бумаги в банке становится страховкой двух других листов бумаги. Часть создаваемых таким образом ценных бумаг неизбежно обратится в прах. Но при наличии Банка Австралийского Союза, который обеспечит выплаты по законным кредитам, паники, которая опять разрушит рыночную стоимость ценных бумаг, разрушит кредиторов, лишит людей работы и приведет к общей нищете, не наступит. Если бы я мог убедить австралийцев в важности возрождения Банка Союза!»

Джон Кёртин и Бен Чифли действительно возродили банк во время и после Второй мировой войны с необычайным успехом. Но Тайный совет Британской Короны не пропустил закон Чифли о национализации банков, одобренный двумя палатами Парламента в 1949 году, а затем лейбористы потеряли власть на 23 года.

За это время премьер-министр Роберт Мензис, почитатель Гитлера и Муссолини в 30-е годы и лакей мельбурнского финансиста-англофила сэра Станифорта Рикетсона, лишил Банк Союза всех сохранившихся функций, делавших его национальным банком. Он создал Резервный банк, контролировавший финансы страны в качестве независимого центрального банка, и назначил его первым управляющим учившегося в Англии фабианца Г. К. «Самородка» Кумбса. В бытности Кумбса министром послевоенного восстановления он разрушил большинство из планов развития лейбористов. О

себе он заявил «я член международной масонской ложи руководителей центральных банков», выболтав секрет глобального контроля над банковской системой.

Политику общественного кредита отчасти продолжали Банк развития Австралийского Союза и Корпорация австралийского промышленного развития, а также различные банки штатов, позволявшие федеральному и местным правительствам направлять средства на развитие сельского хозяйства, промышленного производства и малого бизнеса. В 1981 году под руководством клики инвестиционных банкиров вокруг Hill Samuel Australia (позднее переименованной в Macquarie Bank), дочернего предприятия Hill Samuel & Co., Ltd. из лондонского Сити, комиссия по расследованию деятельности Австралийской финансовой системы (комитет Кэмпбелла) потребовала отмены регулирования банковской деятельности, включая ликвидацию всех учреждений общественного кредита. Это несмыслимым стыдом ложится на лейбористов, так как фабианские предатели из этой партии Боб Хок и Пол Китинг уступили требованиям Сити после прихода к власти в 1983 году.

Китинг провел либерализацию деятельности австралийских банков и открыл страну для иностранных банков-хищников, ввел плавающий курс австралийского доллара, устроил слияние разных профсоюзов, чтобы ослабить их позицию при заключении коллективных договоров, нанес удар по производству, убрав тарифа (для «стимулирования конкуренции») и приватизировал основные общественные активы, включая Банк Австралийского Союза. Китинг заявил о намерении разрушить всю современную агропромышленную экономику, для создания которой правительства лейбористов использовали общественный кредит, и связал будущее австралийской экономики с экспортом сырья, а другие отрасли должны выживать в условиях низких тарифов или их отсутствия вообще: «Сырье, шерсть и пшеница — вот наша долговременная цель. А вторичное производство должно стать конкурентоспособным».

Через три десятилетия после наступления Китинга на экономический суверенитет Австралии, его планы воплотились в жизнь. Сегодня Австралия превратилась в огромный сырьевой карьер, а промышленность и сельское хозяйство пришли в упадок. На австралийцах висит бремя огромных долгов, стоимость жизни стремительно растет. В апреле 2012 года партия «Совет граждан-избирателей» ([Citizens Electoral Council](#), австралийские сторонники американского экономиста Линдона Ларуша) начала новый этап борьбы, продолжающейся десятилетия, за восстановление суверенитета Австралии, выступив с лозунгом: «Будущее Австралии — развитие или смерть».

Статья была опубликована [на английском языке](#) в газете [The New Citizen](#) (Австралия). Перевод К. Бородинского.